

неороман

АЛЕКСАНДР
ПЕЛЕВИН

неороман

НИКТО
НЕ
УМРЁТ

РЕДАКЦИЯ

КНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос = Рус)6
П24

Серия «НЕОРОМАН»

Разработка серии и дизайн *В. А. Воронина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется
по закону*

Он видит только, как петляет река и вьётся
тропинка,
и не знает, что он уже в стране бессмертных.

Дзякуго, дзенское изречение

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хвост умер. Он совершенно точно был мёртв, мертвее и быть не могло. Никита Немиров до того ни разу не видел мертвцов так близко и явственно. Он не сразу понял, что в их «буханку» только что прилетел дрон. Хвост, гвардии сержант Андрей Хвостенко, тот самый ополченец, с которым они только что слушали в машине Егора Летова и нервно шутили о смерти, еле дыша от тяжёлой июльской жары, за минуту до этого говорил ему что-то важное, но эти слова напрочь вылетели из головы.

Двоилось в глазах, ноздри обжигало запахом гари, от удара каска сползла на лоб. «Буханка», перевёрнутая и покорёженная, дымилась на обочине дороги, а из её двери наполовину вывалился погибший водитель. Рядом лежал Хвост. Они успели выпрыгнуть на ходу: Немирова это спасло, а Хвоста — нет.

Сидя в дорожной пыли и испуганно оглядываясь, Немиров даже не сразу

Александр Пелевин

догадался осмотреть себя: цел ли, все ли конечности на месте... Но боли не было, только звенело в ушах, и сердце тряслось, как мокрый котёнок. Осмотрел на себе бронезилет — вроде не посеколо. Всё на месте. Жив, цел...

Ослепительно-синее небо, полное смерти, растянулось убийственным маревом над степью в районе Артёмовска. Стояло лето 2023-го, и каждое утро ВСУ начинали на этом участке новую попытку контрнаступа. Начали и в этот раз.

Командование предупреждало, что это самый опасный участок на дороге от позиций разведки до располаг, и проскочить его нужно как можно быстрее, надеясь на удачу и скорость. В ту сторону они заезжали по темноте и с выключенными фарами, чтобы хоть как-то минимизировать риск, но стоило чуть задержаться у бойцов — и на линии соприкосновения началась бодрая движуха, а в небо уже поднялись дневные «птицы». Одна из них и стала последней для Хвоста и водителя с позывным Чёрный; настоящего его имени Немиров не знал и впервые его увидел только вчера. Это был худой молчаливый парень из мобилизованных, сам родом из

Никто не умрёт

Архангельска, воевал под Донецком, а на это направление перевёлся буквально месяц назад. Немиров хотел разговорить его после поездки и подарить пару своих эскизов, которые хранил в рас포лаге, но этого больше никогда не произойдёт.

И тут он понял, что именно Хвост спас ему жизнь: он первым увидел летящий за «буханкой» дрон и, поняв, что нет иного способа спастись, кроме как выскочить из машины, буквально вытолкнул Немирова и прыгнул следом.

«Хвост, Хвост, твою же мать, ну как так...» — думал Немиров, подползая к телу товарища, но мысли эти были уже совершенно бесполезны, и он сам прекрасно понимал их ненужность. Внутри головы как будто заработала безжалостная машина выживания, и её механический голос монотонно повторял: проверь связь, проверь связь, проверь связь.

Его телефон сел ещё утром.

Немиров стянул с разгрузки Хвоста рацию и убедился, что она разбита в хлам.

Значит, связаться ни с кем не выйдет. Сколько километров до своих?.. Он стал вспоминать. Обычно память подводила его даже в бытовых мелочах, но теперь загово-

Александр Пелевин

рила внутри бездушным медным голосом: двадцать километров.

«Точно, — подумал Немиров. — Зампотыла говорил, что до позиции двадцать километров, мы проехали около десяти. Значит, ровно посередине. Ну или не ровно. Ну или не посередине...»

Он даже не помнил, как называлась эта маленькая, затерянная на краю фронта, почти стёртая с лица земли деревня, где в одном из подвалов расположился перевалочный пункт, из которого они выезжали.

Его размышления прервало резкое жужжание в небе.

Из ниоткуда, из дальних лесополок, вылетело отвратительное огромное насекомое с моторчиком.

Немиров замер на месте. В сердце ударил холод. В панике заколотилось всё тело.

Он в ужасе огляделся, увидел единственное спасение — изломанный куст на обочине дороги — и кинулся резким движением прямо в зелень, не обращая внимания на царапающие лицо ветки, скрючился в позе эмбриона прямо на земле и уткнулся в траву.

Жужжание стало тише, потом ещё тише, потом пропало.

Никто не умрёт

Воняло гарью.

Немиров тяжело и сильно задышал, а потом раскашлялся, едва не выплёвывая лёгкие прямо на землю.

И промелькнула в голове мерзкая, скользкая, предательская мысль: «Да что я тут вообще делаю? Я не должен был здесь оказаться».

Немиров перевернулся на спину, прищурил глаза от яркого солнца, хрипло простонал и закрыл рукой лицо.

Когда всё это началось? 24 февраля 2022-го? Нет, раньше. 2 января 2018-го, когда он впервые приехал в тогда ещё непризнанную Донецкую Республику, к сепарам, дэнэрам, ополчугам? Нет, ещё раньше. В декабре 2017-го.

* * *

Скакала красная конница по чёрной донской степи, разрезая сине-белое жаркое марево, и над нею сияло бесконечно прозрачное небо, а ещё выше — бесконечно тёмная ночь.

Никита Немиров не мог оторвать взгляд от картины. Который раз он уже видел её тут, в зале авангарда Русского музея, и всегда перед ней задерживался.

Александр Пелевин

Соня дёрнула его за рукав, поторопила:
— О чём задумался?

— Картину эту люблю, — сказал Немиров.

Соня наклонила голову, пригляделась к полотну.

— А по-моему, это о разрушительной стихии войны. Смотри — они же скачут справа налево, то есть назад. Как бы тянут Россию обратно в Средневековье.

— Почему же назад? Посмотри с другой точки зрения. Есть алфавиты, в которых буквы читаются справа налево. Еврейский, например. Арабский... Почему мы привыкли, что вперёд — это слева направо? Мы же не знаем, где тут «вперёд».

— Всё равно страшно. Я думаю, Малевич хотел напугать зрителя, а не воодушевить.

Немиров любил Соню. Маленькую, черноволосую, с глазами-угольками. Современную, прогрессивную, *всегда со своим мнением*. Тогда он ещё не понимал, что это мнение не совсем её, что она плоть от плоти тусовки, той самой, которой принадлежал и он сам. Впрочем, принадлежал, да не совсем. А она — совсем...

Никто не умрёт

Никита Немиров в свои тридцать лет хотел заново изобрести феверализм Малевича или стать новым Кандинским, хотя прекрасно понимал: сама постановка вопроса «стать новым кем угодно» глубоко вредна и порочна, поэтому он никогда не говорил об этом публично, а вот наедине с собой — почему бы не помечтать? Он знал, что никому не стать ни новым Малевичем, ни новым Кандинским, тем более что после русского авангарда в искусстве в принципе не появилось ничего по-настоящему нового. Его удручали залы, посвящённые живописи 1980-х годов. После дерзкого авангарда, а затем античного соцреализма и потом «сурового стиля» в 1980-х годах наступил ужасный застой, даже нет — деградация. Живопись той эпохи он сравнивал с перестроечным кинематографом, который тоже ненавидел из-за его слабости, из-за выставления напоказ гнилого человеческого нутра.

Никита Немиров был невелик ростом, но строен, с буйными чёрными патлами и длинным гоголевским носом. В начальных классах его так и дразнили — Гоголь-Моголь. В средних классах уже про-

Александр Пелевин

сто — Гоголь. Когда он вырос, решил специально подчеркнуть это сходство короткими усиками, да так и стал их носить уже во взрослой жизни.

Одевался всегда вычурно, подчёркнуто старомодно, любил костюмы, кричащие галстуки, цветастые шейные платки.

Большинство коллег по актуальной живописи Немиров снисходительно презирал, деля их на «современное искусство здорового человека» (которое он наблюдал крайне редко) и «современное искусство курильщика». Впрочем, об этом он тоже старался не говорить публично — заключают. Тусовка это умела.

Но Немиров хорошо знал, как держать себя в прогрессивном обществе обеих столиц. Характером он был незлобив, а потому спокойно пропускал мимо ушей излишне резкие суждения других, с которыми не соглашался; сам же говорил, что думает, редко и по делу.

После Русского музея они с Соней направились в бар на улице Некрасова, где постоянно собирались молодые художники и писатели, а больше всего — блогеры и микроблогеры, алкоголики, тусовщики и просто приятные парни и девушки.

Никто не умрёт

Близился Новый год, и в это время снежная зима, как это почти всегда бывает в Петербурге, наступила внезапно для коммунальных служб. Немиров и Соня добирались до бара, держась за руки и лихо перепрыгивая сугробы, но это не могло испортить хороший вечер, ведь город уже украсили тёплыми оранжевыми огоньками, и морозный воздух дышал будущим счастьем.

Они заранее спланировали отпуск на следующий год. Немиров хотел в Крым, Соня возражала, в итоге сошлись на Турции. Чуть не поругались. Вообще всякий раз, когда дело касалось чего-то околополитического, они были на грани ссоры, но Немиров сглаживал острые углы.

В этот раз не вышло.

Бар «Хроники» был забит цветноволосыми зумерами, бородачами-профеминистами, геями, демократическими журналистами и теми самыми тридцатилетними женщинами из «Твиттера», многое повидавшими в жизни, снисходительно взирающими на окружающих, в футболках с надписями «Кусь», «Это Питер, детка» и «Фу, люди».

Когда они с Соней присели за столик к кучке знакомых, те обсуждали Райана